

Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сѳс на иноязычном фоне

Елена И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Алексей С. Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Российская Федерация

В статье рассматриваются тувинские пословицы и поговорки сравнительной семантики, включающие в свой состав компонент «сѳс», на фоне бурятского, русского и шведского языков. Цель работы заключается в системно-структурном и лингвокультурологическом исследовании тувинских паремий с семантикой сравнения на иноязычном фоне для выявления общих и отличительных характеристик. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как выявление корпуса исследуемых единиц в тувинском языке и языках, служащих фоном для анализа; классификация паремий по выражаемым установкам культуры, синтаксическим моделям; описание ценностных предпочтений, выражаемых паремиями; анализ метафор и слов-реалий как языковых средств, формирующих национально-культурный образ.

Несмотря на то, что компарация представляет собой универсальный способ познания, сравнение в паремиях с рассматриваемым компонентом имеет свои отличительные особенности в каждом из анализируемых языков. Отличия проявляются в используемых синтаксических моделях, преобладании определенных их типов. Для тувинских паремий анализируемого разряда, как и для бурятских паремиологических единиц, характерны предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма. В шведских паремиях нет явно выраженного преобладания какого-либо типа моделей, а для русского языка в рассматриваемом корпусе паремий преобладают контаминации разных типов моделей. Общие установок культуры во всех четырех языках оказалось больше. Паремии рассматриваемых языков отмечают важность слова в жизни людей, выделяют параметры, определяющие значимость слов — смысловую нагруженность, правдивость, меткость; указывают, что слово не должно расходиться с делом. Расхождения наблюдаются в частных установках культуры, которые могут присутствовать в одном языке и быть лакунарными в другом (других). Так, тувинские паремии акцентируют роль родительских слов; бурятские отмечают важность слов, сказанных в древности; шведские указывают на необходимость контроля и ответственности за сказанное. Различия касаются и количества пословиц, выражающих одинаковую установку культуры

в анализируемых языках.

Делается вывод о сходствах и различиях культурных установок проанализированных паремий в четырех языках, выражаемых ценностных предпочтениях, образной составляющей паремийных единиц, нашедших отражение в исследуемом фрагменте паремиипространства.

Ключевые слова: паремия; культурная установка; ценность; образ; метафора; тувинский язык; шведский язык; бурятский язык; русский язык

Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сѳс на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 21-35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Тел.: +7 (921) 995-46-40. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Тел.: +7 (911) 220-13-45. Эл. адрес: aleshin.as@sut.ru

Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *cəc* as compared to foreign language material

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Russian Federation,

Alexey S. Alyoshin

*Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications,
Russian Federation*

The article deals with Tuvan proverbs and sayings of comparative semantics, which include the component “*cəc*” against the background of the Buryat, Russian and Swedish languages. The purpose of the work is a systematic, structural and linguoculturological study of Tuvan proverbs with the semantics of comparison in contrast to foreign language examples in order to identify common and distinctive characteristics. The set goal involves handling the following tasks: identifying a corpus of units under study in Tuvan and languages that serve as a background for the analysis; providing a classification of proverbs according to expressed cultural attitudes and syntactic models; description of value preferences expressed by proverbs; analysis of metaphors and nationally biased units as linguistic means that form a national and cultural image.

Despite the fact that comparison is a universal way of cognition, comparison in proverbs with the component under consideration has its own distinctive features in each of the analyzed languages. The differences are manifested in the used syntactic models and the predominance of their certain types. Tuvan proverbs of the analyzed category, as well as Buryat paroemiological units, are characterized by sentences built on the principle of syntactic parallelism. In Swedish paroemias, there is no clearly expressed predominance of any type of models, and in case of Russian, contaminations of different types of models prevail in the corpus of paroemias that we have considered. There are more common cultural attitudes in all four languages. Paroemias of the analyzed languages emphasize the importance of the word in people’s lives, highlight the parameters that determine the significance of words, i.e. their semantic load, truthfulness, accuracy; they indicate that the words should not diverge from the deeds. Differences are observed in particular cultural settings, which may be present in one language and be absent in another (others). Thus, Tuvan proverbs emphasize the role of parental words; Buryat ones signify the importance of words spoken in ancient times; Swedish paroemias indicate the necessity of control and responsibility for what is said. The differences also relate to the number of proverbs expressing the same cultural attitude in the analyzed languages.

A conclusion is made about the similarities and differences in the cultural attitudes of the analyzed proverbs in these four languages, the expressed value preferences, the figurative component of the proverbial units, which are reflected in the studied fragment of the proverbial space.

Keywords: paroemia; cultural attitude; value; image; metaphor; Tuvan language; Swedish language; Buryat language; Russian language

For citation:

Zinovieva E. I. and Alyoshin A. S. Tuvinskie paremii sravnitel’noi semantiki s komponentom *sös* na inoiazыchnom fone [Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *cəc* as compared to foreign language material]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 21-35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

ZINOVIEVA, Elena Innokentievna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

ALYOSHIN, Alexey Sergeevich, Candidate of Philology, Associative Professor; Head, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22, Prospekt Bolshevikov, 193232 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (911) 220-13-45. E-mail: aleshin.as@sut.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844

Введение

Современная лингвистика отличается полиаспектным исследованием языковых единиц. Изучение паремий приобретает в этой связи особую актуальность, поскольку они вербализуют многовековой социально-исторический опыт народа, этнический менталитет, народные знания, в лаконичной форме фиксируют ценностные ориентации, предписывают определенное поведение в той или иной ситуации, построены по определенным синтаксическим моделям, аксиологически заряжены, образны.

В настоящее время паремии исследуются в рамках традиционной лингвистики, сопоставительного языкознания, фольклористики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и других дисциплин. В последние годы наибольший интерес вызывают лингвокогнитивное и лингвокультурологическое изучение паремий (см., например: Семенов, Кривошеев, 2019; Семенов, 2020; Сычева, 2020; Никитина, Роголева, Пяо Лисян, 2021; и др.). Следует отметить и возросший в последние годы в лингвистической литературе интерес к разноаспектному сопоставительному изучению паремий в системно различных языках (см., например: Ая, 2011; Дзахова, Дзодзикова, Кудзоева, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, 2023; Петрушевская, 2023). Выделяются работы сопоставительного характера, объектом которых являются паремии с каким-либо компонентом (Боктаева, 2016; Галимуллина, Шаймарданова, 2018; Комова, Ломакина, 2020; и др.).

В последние годы наблюдается всплеск интереса к исследованию паремий тувинского языка. Так, внимание исследователей было направлено на изучение контраста в тувинских пословицах (Бочина, 2022), анализ абсурдных и парадоксальных пословиц тувинского языка (Иванов, 2023), исследовались бинарные структуры в тувинских пословицах (Селиверстова, 2022), номинации животных в тувинских пословицах и поговорках (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022), тувинские паремии с компонентом *чер* 'земля' (Сувандии, 2023), был проанализирован лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал тувинской паремиологии (Ломакина, 2022).

В сопоставительном плане был проведен анализ тувинских паремий различных тематических групп на европейском паремиологическом фоне (Бредис и др., 2021), исследована градуальная семантика тувинских и русских пословиц (Колесникова, 2022), проанализированы провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии на фоне русского и английского языков (Бредис, Иванов, 2022, исследованы проблемы лингвокультурологического комментария в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре (Иванов, 2023), провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде на фоне современных европейских языков (Петрушевская, 2023), выявлены и рассмотрены аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур (Нелюбова, 2022).

Паремии с компонентом «слово» являлись объектом исследования на материале разных языков в связи с выявлением одноименного паремиологического концепта в русском, английском и узбекском языках (Галиева, 2020), а также в связи с выявлением семантических образов лексемы «слово» в русской языковой картине мира (Переход, 2022). Паремии тувинского языка с компонентом *сөс* до настоящего времени не исследовались.

Интересующие нас в данной статье паремии сравнительной семантики (компаративные паремии или паремии компаративной структуры) — это пословицы и поговорки, эксплицитно или имплицитно содержащие сравнение. Компарация как когнитивная операция универсальна, но в силу особенностей менталитета народа-носителя языка она может быть выражена различными способами (Зиновьева, Алёшин, 2022: 133). Для решения вопроса об отнесении конкретной паремии к интересующему нас разряду использовался экспериментальный прием трансформации: если паремию можно переформулировать в виде конструкции со сравнительным союзом без потери смысла, то она относится к разряду единиц сравнительной семантики.

Новизна исследования заключается в интегративном подходе к анализу паремий сравнительной семантики с одним компонентом, имеющим эквиваленты в разносистемных языках, проведении исследования в системно-структурном, лингвокультурологическом и аксиологическом аспектах. Целью данной статьи является выявление сходств и различий между паремиями тувинского, бурятского, шведского и русского языков с анализируемым компонентом для определения универсального и культурно-обусловленного в данном фрагменте провербиального пространства разно-

системных языков. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить структурно-синтаксические модели исследуемых паремий в каждом из рассматриваемых языков; выделить установки культуры, выражаемые в анализируемых пословицах; проанализировать вербализуемые паремиями ценности и образную основу паремийных единиц.

В статье используются методы описательного, структурного, лингвокультурологического, аксиологического и компаративного анализа, приемы количественных подсчетов и стилистической характеристики.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹ и «Пословицы русского народа»², словари шведских паремий П. Хольма³ и Ф. Стрёма⁴, сборник бурятских пословиц и поговорок Б. Ц. Бальбуровой⁵.

Методика исследования в связи с поставленными задачами включает несколько последовательных этапов:

- 1) отбор паремий с компонентом *сөс* и его эквивалентами в тувинском, бурятском, шведском и русском языках;
- 2) выделение из отобранной картотеки паремий единиц сравнительной семантики;
- 3) выявление структурных моделей анализируемых пословиц;
- 4) определение выражаемых в пословицах культурных установок и ценностных предпочтений;
- 5) анализ образной составляющей пословичных единиц.

Пословицы тувинского языка сравнительной семантики с компонентом *сөс*

Методом сплошной выборки материала из словаря Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» было отобрано 15 пословичных единиц с компонентом *сөс*, выражающих сравнение. Необходимо отметить, что практически все паремии тувинского языка с этим компонентом выражают сравнение, за рамками исследования осталось лишь четыре единицы с компонентом *сөс* без сравнительной семантики. Согласно принятой в данном исследовании методике, рассмотрим сначала структурные модели данных пословиц.

I. С точки зрения структуры, выделяются следующие пословичные модели:

— Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма (10 единиц):

а) с семантическими отношениями противопоставления между частями, формально выраженными с помощью противительного союза «а»: *Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21⁶);

б) с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением: *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эттиң чаглы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50); *Артык сөстен кырыш үнер, арагадан чогуш үнер* 'От лишнего слова возникает ссора, от вина — драка' (ППТН, с. 86); *Сөске шын херек, багга доң херек* 'Слову нужна правда, ремню нужен узел' (ППТН, с. 50); *Чорук багы — чаа, сөс багы — чаргы* 'От плохого поступка — война, от плохого слова — ссора' (ППТН, с. 68)⁷; *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижит болбас* 'Наказ отца запоминай, слова матери

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы»», 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021 : 145), в ряде случаев переводы уточнены. Авторы выражают благодарность к.ф.н., доценту кафедры тувинской филологии и общего языкознания ТувГУ Айланме Мылдыргыновне Соян за уточнение переводов паремий на русский язык.

² Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля: в 2-х т. М. : Художественная литература, 1989.

³ Holm P. 3530 ordspråk och talesätt: "ett ord i rätan tid". Stockholm : Bonnier fakta, 1984.

⁴ Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm : Tidens Förlag, 1929.

⁵ Буряад арадай оньон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Ц. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020.

⁶ Здесь и далее указаны страницы из сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы»», 2020.

⁷ Перевод на русский язык А. М. Соян.

уважай' (ППТН, с. 12); *Хомудаачалга сөс аар, кошкакка дүк даар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58); *Чөптүг сөсте буруу чок, чөремедө сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68); *Хөй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибýtка нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59); *Чаштаа кижиниң сөзү хөй, чалгаа кижиниң чылдаа хөй* 'У подхалима много слов, у лентяя много причин' (ППТН, с. 66);

— Предложения тождества (2 единицы): *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50); *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82).;

— Предложения, содержащие прилагательные и наречия в сравнительной или превосходной степени (2 единицы): *Аткан окту чедип алыр, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87)¹; *Сөсте шын күчүлүг* 'Правдивое слово сильнее всего' (ППТН, с. 50);

— Предложения с сравнительными союзами (1 единица): *Ада сөзү — дашка баскан таңма ышкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82).

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых тувинскими пословицами культурных установок и ценностных предпочтений.

Установки культуры — это ментальные прескрипции (предписания), оценивающие социальные и духовные практики человека (Телия, 2004).

1. В исследуемых тувинских пословицах выражается идея о том, что слово несет большую нагрузку, в связи с этим пословичные единицы фиксируют то, каким должно быть слово — метким, точным, попадать в цель: *Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21); *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эъттиң чаглыы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50). Ср. пословичную единицу без сравнительной семантики с той же культурной установкой: *Сөстүң чигези дээштиг* 'Меткое слово действительно' (ППТН, с. 50). Слово также должно быть правдивым: *Сөске шын херек, багга доң херек* 'Слову нужна правда, ремню нужен узел' (ППТН, с. 50); *Сөсте шын күчүлүг* 'Правдивое слово сильнее всего' (ППТН, с. 50); *Чөптүг сөсте буруу чок, чөремедө сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68). Ср. пословичную единицу сравнительной семантики без компонента *сөс*, но выражающую ту же мысль: *Шывык туткан кижээ ызырар ыт өштүг, шынын сөглээн кижээ тенек кижэ өштүг* 'Палка в руках — злая собака лает, правду сказать — глупый человек ненавидит' (ППТН, с. 72).

2. Слова родителей признаются самыми важными: *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82); *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82); *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижип болбас* 'Наказ отца запоминай, слова матери уважай' (ППТН, с. 12).

3. Необратимость слова, сказанное слово не вернуть назад: *Аткан окту чедип алыр, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87).

4. Человек должен быть хозяином своему слову: *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50). Ср. пословичную единицу не сопоставительной семантики, обладающую прямой дидактичностью и выражающую ту же установку культуры: *Эткен сөзүңге ээ болур* 'Дал слово — будь хозяином' (ППТН, с. 78).

5. Необходимо контролировать свои слова. Лишнее слово может стать каузатором нежелательных событий: *Артык сөстен кырыш үнер, арагадан чогуш үнер* 'От лишнего слова возникает ссора, от вина — драка' (ППТН, с. 86).

6. Нужно достойно реагировать на критику: *Хомудаачалга сөс аар, кошкакка дүк аар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58).

7. Тувинские пословицы противопоставляют доброе и плохое слово, маркированным оказывается плохое слово, которого народная мудрость советует избегать: *Чорук багы — чаа, сөс багы — чаргы* 'От плохого поступка — война, от плохого слова — ссора' (ППТН, с. 68). Ср. пословицы без компонента *сөс*, прямо выражающие эту установку: *Аас белээ ачылыг, аас халавы айыылдыг* 'Подарок во рту лечит, оговор очень опасен' (ППТН, с. 80)².

¹ Перевод на русский язык А. М. Солян.

² Перевод на русский язык А. М. Солян.

8. Отрицательно в тувинских пословицах с сопоставительной семантикой оценивается многословие: *Хэй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибылька нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59); *Чашпаа кижиниң сөзү хэй, чалгаа кижиниң чылдаа хэй* 'У подхалима много слов, у лентяя много причин' (ППТН, с. 66).

III. Образная составляющая рассматриваемых тувинских пословиц проявляется через когнитивные метафоры в их составе.

Для анализируемых пословиц больше всего характерна метафора предметного типа.

1. Слово в тувинских пословицах уподобляется оружию, попадающему в цель, стреле, обращает на себя внимание постоянный эпитет «меткое»: *Бижектиң чидиш херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21); *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эъттиң чаглыы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50); *Аткан окту чедип алып, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87). Имплицитно в данных пословицах возникает и образ субъекта, подразумевается уподобление субъекта стреляющему воину;

2. Слово — это некий материальный след на поверхности предмета — стволе дерева или камне: *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50); *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82).;

3. Слово образно воспринимается как предмет, имеющий вес: *Хомудаачалга сөс аар, кошакка дүк аар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58);

4. Правдивое слово выступает как предмет, имеющий объем, как вместилище чувств: *Чөптүг сөсте буруу чок, чөрөмеде сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68). Этнокультурный компонент пословицы проявляется в присутствии этнокультурной реалии, которой уподобляется слово — *чөрөме* 'мясное кушанье в виде колбасы-жгута';

5. Слова отождествляются с деньгами, прибылью или убытком: *Хэй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибылька нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59).

Кроме того, в рассматриваемых тувинских пословицах обнаруживаются витальная метафора (слово отца — жизнь) и социоморфная метафора (слово матери — труд): *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82).

Пословицы бурятского языка сравнительной семантики с компонентом угэ

Приемом сплошной выборки материала из словаря пословиц бурятского языка было отобрано 16 пословичных единиц с компонентом угэ, выражающих сравнение.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели рассматриваемого разряда бурятских пословиц:

— Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма (12 единиц): *Абари хайта арба хонохо, ама муута хээрэ хонохо* 'С добрым словом — долго гостит, злословный — на улице спит'; *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* 'Конь ускачет — поймаешь, слово обронишь — не поймаешь'; *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* 'Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают'; *Үгэ удхатай, үүлэн бороотой* 'Слово со смыслом, облако с дождем'; *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* 'Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами'; *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтакада, сээжын хэшэг болодог* 'Много слов — пустота, много книг — душе услада'; *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* 'По словам — лиса, по делам — волк'; *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* 'Слова — бычьи, ум — телячий'; *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг* 'От слова — слово, от коровы — теленок'; *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* 'Дно колодца холодное, лживое слово быстрое'; *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* 'Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая'; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* 'Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут';

— Предложения с логической рядоположенностью компонентов (2 единицы): *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдеэн хотодо зөөлэн* 'Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая'; *Үгэ богонидоо хайн, үгэсэ түлбэридөө хайн* 'Хорошо, когда речь краткая, долг платежом красен';

— Предложения тождества (1 единица): *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’;

— Предложения со сравнительным союзом (1 единица): *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’;

— Предложения с наречием в сравнительной степени (1 единица): *Үгэ алдаһанһаа үхэр алдаһан дээрэ* ‘Лучше потерять корову, чем сболтнуть лишнее’.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых бурятскими пословицами **культурных установок и ценностей**.

1. Как и в проанализированных тувинских пословицах, в бурятских пословицах описываемого разряда отмечается, что слово имеет большую важность. Слово — это последнее, что разрешается сделать человеку перед казнью: *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* ‘Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают’. Ср. пословицу не сопоставительной семантики, также свидетельствующую о значимости слова: *Ганса үгэ газар дэлхэй хүлгүүлхэ* ‘Одно слово может мир перевернуть’.

К слову предъявляются следующие требования — оно должно быть:

1) метким: *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’;

2) разумным, иметь смысл: *Үгэ удхатай, үүлэн бороотой* ‘Слово со смыслом, облако с дождем’.

2. В анализируемых бурятских пословицах противопоставляются доброе и злое слово: *Абари һайта арба хонохо, ама муута хээрэ хонохо* ‘С добрым словом — долго гостит, злословный — на улице спит’; *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдээн хотодо зөөлэн* ‘Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая’.

3. Налицествует установка о том, что сказанное слово не вернуть: *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* ‘Конь ускачет — поймашь, слово обронишь — не поймашь’; *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’.

4. Особо выделяются лишнее и необдуманное слово: *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* ‘Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами’; *Үгэ алдаһанһаа үхэр алдаһан дээрэ* ‘Лучше потерять корову, чем сболтнуть лишнее’.

5. Выделяется лживое слово: *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* ‘Дно колодца холодное, лживое слово быстрое’.

6. Отмечается особая роль древней народной мудрости, запечатленной в словах: *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* ‘Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая’; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* ‘Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут’.

7. Многословие не приветствуется: *Үгэ богонидоо хайн, үгэсэ түлбэридөө һайн* ‘Хорошо, когда речь краткая, долг платежом красен’; *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтахада, сээжын хэшэг болодог* ‘Много слов — пустота, много книг — душе улада’.

8. Противопоставляются слово и дело: *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* ‘По словам — лиса, по делам — волк’.

9. Устанавливается несоответствие между словами и умом человека: *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* ‘Слова — бычьи, ум — телячий’.

10. Отмечается, что слово рождает следующее слово: *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг* ‘От слова — слово, от коровы — теленок’.

III. Образная составляющая рассматриваемых бурятских пословиц проявляется через следующие типы когнитивных метафор:

— **Предметная метафора.** Слово в бурятских пословицах образно сопоставляется с острым хозяйственно-бытовым орудием: *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’. Слову приписываются тактильные признаки. Оно может быть мягким: *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдээн хотодо зөөлэн* ‘Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая’. Или твердым: *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’.

— *Пространственная ориентационная метафора*, указывающая на локус необдуманных и лишних слов: *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* 'Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами'. Слово способно к передвижению в пространстве: *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* 'Конь ускачет — поймаешь, слово обронишь — не поймаешь'. Образ быстро передвигающегося в пространстве лживого слова возникает в следующей пословице: *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* 'Дно колодца холодное, лживое слово быстрое'. Незаполненность пространства создает образ пустоты как результат многословия: *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтакада, сээжин хэшиг болодог* 'Много слов — пустота, много книг — душе улада';

— *Временная метафора*. Древнему мудрому слову приписывается вечное существование, как вечнозеленым ветвям кедр: *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* 'Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая'; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* 'Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут';

— *Зооморфная метафора*. Человек по своим речам сравнивается с лисой, вкрадчивой и хитрой, а по своим поступкам — с волком: *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* 'По словам — лиса, по делам — волк'. Речи могут звучать убедительно и твердо, как у сильного животного, а ум может быть развит, как у маленького слабого ребенка-теленка: *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* 'Слова — бычьи, ум — телячий'. Приговоренного к смерти человека отождествляют с жертвенной скотинкой: *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* 'Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают';

— *Витальная метафора* представляет слово как живое существо, слово рождается от другого слова, как теленок от коровы: *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг*. 'От слова — слово, от коровы — теленок'.

Пословицы шведского языка сравнительной семантики с компонентом *ord*

Из шведских лексикографических источников приемом сплошной выборки материала было выделено всего шесть пословиц с сопоставительной семантикой с компонентом *ord*.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели рассматриваемого разряда шведских пословичных единиц:

— Предложения с наречием в сравнительной степени (2 единицы): *Många kloka ord säges på skämt, ändå flera dumma ord säges på allvar* 'Многие умные слова говорятся в шутку, и еще больше глупых слов говорится всерьез'; *Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек';

— Предложения, выражающие противопоставление (2 единицы):

а) с помощью противительного союза *och*: *Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова';

б) без союза: *Stor i orden liten på jorden* 'Большой в словах, маленький на земле'.

— Предложения с логической рядоположенностью компонентов (1 единица): *Ordet ur munnen och stenen ur handen kan man inte stanna* 'Слово изо рта и камень из руки не остановить';

— Предложения со сравнительным союзом *som* (1 единица): *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

II. Вербализуемые шведскими пословицами с семантикой сопоставления установками культуры и ценностными доминантами являются следующие:

1. Сказанное слово распространяется широко: *Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек';

2. Слова и дела человека могут не соответствовать друг другу: *Stor i orden liten på jorden* 'Большой в словах, маленький на земле';

3. Слово невозвратно: *Ordet ur munnen och stenen ur handen kan man inte stanna* 'Слово изо рта и камень из руки не остановить';

4. Рассматриваемые шведские пословицы противопоставляют умные и глупые слова: *Många kloka ord säges på skämt, ändå flera dumma ord säges på allvar* 'Многие умные слова говорятся в шутку, и еще больше глупых слов говорится всерьез';

5. Людям свойственно поддаваться на красивые слова собеседника: *Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова';

6. Человек должен держать данное слово. Эта установка культуры вербализуется ироничной шведской поговоркой о человеке, не соблюдающем данную установку: *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

III. Образная составляющая рассматриваемых шведских поговорок реализуется через антропоморфную метафору (*Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек'), предметную метафору, в которой слово выступает как приманка (*Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова') и зооморфное сравнение (*Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост').

Пословицы русского языка сравнительной семантики с компонентом слово

Из лексикографических источников русского языка с помощью приема сплошной выборки материала было выявлено 47 пословиц с сопоставительной семантикой.

I. С точки зрения структуры, выделяются следующие модели рассматриваемого разряда русских пословичных единиц:

1. Предложения, выражающие противопоставление (5 единиц):
 - а) с помощью противительного союза «а» или «да»: *Щедр на слова, да скуп на дела. По словам овцы, а по делам мошенники; На словах — орел, а на деле — мокрая курица; Слово к ответу, а хлеб — к обеду; Слово бело, да дело черно;*
 - б) без союза: *Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые);*
2. Предложения тождества (2 единицы): *Сказанное слово — пущенная стрела; Доброе слово сказать — посошок в руку дать;*
3. Предложения, представляющие собой контаминацию предложений тождества и противопоставления (6 единиц): *Красивое слово — серебро, а хорошее дело — золото; Слово делу — родной племянник; Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира; Сказанное слово — серебро, а несказанное — золото; Слово — серебро, молчание — золото; Слово — ветер, а бумажка — грунт;*
4. Предложения с наречиями и прилагательными в сравнительной степени (13 единиц): *Поменьше бы слов, да побольше дела; Добрые слова лучше мягкого пирога; Ласковое слово лучше мягкого пирога; От ласкового слова в избе светлее; Ласковое слово рубля дороже; Ласковое слово слаще меду; Доброе слово дороже золота; Доброе слово пива дороже; Иное слово хуже стрелы; Слово ранит сильнее штыка; Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати; Живое слово дороже мертвой буквы; Слово твое слаще меду;*
5. Отрицательные предложения тождества (2 единицы): *Хорошие слова не лишний груз на сердце; Слово не обух, в лоб не бьет;*
6. Контаминация отрицательных предложений тождества и противопоставления (5 единиц): *Слово не нож, а до ножа доводит; Слово не обух, а от него люди гибнут; Слово не пуля, а ранит; Слово не стрела, а пуще разит; Слово не стрела, а сердце язвит;*
7. Предложения, представляющие собой контаминацию предложений тождества и эксплицитно выраженного с помощью сравнительного союза сопоставления (1 единица): *Слово — закон, держись за него как за кол;*
8. Предложения с сравнительными союзами «что» и «как» (4 единицы): *Пустые слова что орехи без ядра; Доброе слово человеку что дождь в засуху; Доброе слово что весенний день; Прямикое слово что рогатина;*
9. Контаминация эксплицитно выраженного сопоставления с помощью сравнительных союзов и противопоставления (2 единицы): *Словами что листьям стелет, а делами что иглами колет; На словах как (что) на гусях, а на деле — как (что) на балалайке;*
10. Предложения со сравнением, выраженным формой творительного падежа существительного (1 единица): *Прямое слово рожном торчит;*
11. Предложения с логической рядоположенностью компонентов (1 единица): *Плюнешь — не воротишь; выпустишь слово — не поймашь;*
12. Отдельную модель представляют собой предложения, в которых правая часть поясняет содержание левой (4 единицы). При этом в левой части может быть представлено эксплицитное

сравнение, выраженное с помощью сравнительных союзов: *Пустое слово как солома: много местом, да мало весом; Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится.* Левая часть может также представлять собой предложение тождества или отрицательное предложение тождества (деидентификацию): *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; Слово — солома: загорится не зальешь.*

II. В русских пословицах с сопоставительной семантикой выделяются следующие установки культуры и ценности:

1. Слово не должно расходиться с делом: *Поменьше бы слов, да побольше дела; Слово делу — родной племянник;*

Расхождение между словом и делом маркируется в пословицах: *Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые); Щедр на слова, да скуп на дела; По словам овцы, а по делам мошенники; Словами что листьем стелет, а делами что иглами колет; Слово бело, да дело черно; Красивое слово — серебро, а хорошее дело — золото; На словах как (что) на гусях, а на деле — как (что) на балалайке; На словах — орел, а на деле — мокрая курица; На словах что на санях, а на деле — что на копыле; На слове — князь, а на деле — грязь;*

2. Слова обладают большой силой воздействия на человека. В русских пословицах маркируется негативное воздействие слов: *Иное слово хуже стрелы; Слово жжет хуже огня; Слово не нож, а до ножа доводит; Слово не пуля, а ранит; Слово не стрела, а пуще разит; Слово не стрела, а сердце язвит; Слово ранит сильнее штыка.* Некоторые пословицы двойственны. Так, с одной стороны: *Слово не обух, в лоб не бьет.* С другой стороны: *Слово не обух, а от него люди гибнут;*

3. Сказанное слово не возвратно: *Плюнешь — не воротишь; выпустишь слово — не поймаешь; Слово воробей, вылетит не поймаешь; Слово не воробей: вылетит — жди беды; Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; Сказанное слово — пущенная стрела; Слово — солома: загорится не зальешь;*

4. Данное слово нужно держать: *Слово — закон, держись за него как за кол; Слово — закон, держись за него как за кон; Слово к ответу, а хлеб — к обеду;*

5. Особо выделяется в русских пословицах роль добрых, хороших и ласковых слов: *Добрые слова лучше мягкого пирога; Доброе слово дороже золота; Доброе слова пива дороже; Доброе слово сказать — посошок в руку дать; Доброе слово сильнее дубины; Доброе слово человеку что дождь в засуху; Доброе слово что весенний день; Хорошие слова не лишний груз на сердце; Ласковое слово лучше мягкого пирога; От ласкового слова в избе светлее; Ласковое слово рубля дороже; Ласковое слово слаще меду.* Добрым, хорошим и ласковым словам противопоставляется дурное слово: *Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится;*

6. В некоторых случаях необходимо промолчать, воздержаться от лишних слов: *Сказанное слово — серебро, а несказанное — золото; Слово — серебро, молчание — золото;*

7. Важно слово, сказанное в нужный момент: *Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати;*

8. Особо выделяется в русских пословицах прямое слово: *Прямоковое слово что рогатина; Прямое слово рожном торчит;*

9. Письменная речь противопоставляется устной. Это противопоставление носит двойственный характер. С одной стороны: *Живое слово дороже мертвой буквы.* С другой стороны: *Слово — ветер, а бумажка — грунт.;*

10. Осуждаются многословие (*Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира*) и пустые, бессодержательные речи (*Из-за пустых слов пропал как пес; Пустые слова что орехи без ядра; Пустое слово как солома: много местом, да мало весом.*)

III. Образная составляющая русских пословиц с компонентом слово была рассмотрена применительно к разным типам паремийных единиц, вербализующих концепт «слово» (Галиева, 2020; Переход, 2022).

Что касается паремий сравнительной семантики, то для них характерны практически все виды метафор и образов, выделенных данными исследователями, а также ряд дополнительных разрядов. По частотности и количеству подтипов в русских паремиях, как и в тувинских, преобладает предметная метафора.

В предметных метафорах особо выделяется образ орудия / оружия, например: *Слово пуще стрелы разит; Слово не обух, а от него люди гибнут; Слово не обух — в лоб не бьет;* образ материальной / ду-

ховной ценности (дар, награда, богатство), например: *Добрым словом и бездомный богат; Слово толковое стоит целкового. Ласковое слово рубля дороже; Слово — серебро, молчание — золото.* Слово характеризуется как предмет, имеющий определенный вес, например: *Пустое слово как солома, — много местом, да мало весом; Пустые слова, что орехи без ядра.* Слово имеет вкусовые признаки и ассоциируется с различными видами пищи, используется пищевая метафора, например: *Ласковое слово слаще меда; Доброе слово лучше мягкого пирога.* В предметной метафоре выделяется тактильная: *Недоброе слово больней огня жжет; Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые).* Отметим также не выделенные исследователями метафоры, используемые в паремиях компаративной семантики: слово — вещество (*Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится*) и слово — украшение (*Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира*).

Натуроморфная метафора отождествляет доброе слово с благодатными осадками в засуху (*Доброе слово человеку, что дождь в засуху*), а также с весенним днем, когда стоит хорошая погода (*Доброе слово что весенний день*).

Характерна для русских пословиц и орнитологическая метафора, например: *На словах — орел, а на деле — мокрая курица; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.*

Антропоморфная метафора не частотна для русских паремий сравнительной семантики: *Слово делу — родной племянник.*

В рассмотренных собраниях паремий тувинского, бурятского, шведского и русского языков наблюдаются количественные различия в наличии паремийных единиц сравнительной семантики с компонентом *слово*: 15 паремий в тувинском языке, 16 — в бурятском, 6 — в шведском и 49 — в русском. Явное количественное преобладание паремий русского языка в исследуемом корпусе связано с большей доступностью языкового материала, что обусловлено большей лексикографической разработанностью пословиц и поговорок, наличием большого количества словарей и сборников пословиц.

С точки зрения системно-структурного подхода в рассмотренных тувинских паремиях сравнительной семантики, как и в бурятских, преобладают предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма. Для всех привлеченных к анализу паремийных корпусов четырех языков характерно выражение сравнения с помощью союзов, сравнительной степени наречия и противопоставления. Предложения тождества встретились в рассмотренных паремиях тувинского, бурятского и русского языков. Логическая рядоположенность компонентов паремии была отмечена в бурятском, шведском и русском языках, а отрицательные предложения тождества были выявлены только в паремиях русского языка, как и сравнение, выраженное предложным падежом существительного, что обусловлено особенностью грамматической системы русского языка. Только для русского языка характерной в проанализированном разряде паремий оказалась контаминация различных моделей компарации: соединение предложений тождества и противопоставления; противопоставления и сравнения с помощью союзов.

Общими для паремий из привлеченных к анализу источников тувинского, бурятского, шведского и русского языков оказались такие установки культуры, как значимость слова, необратимость сказанного слова, необходимость держать слово, противопоставление слова и дела. В паремиях тувинского, бурятского и русского языков положительно оцениваются добрые слова, осуждаются многословие и лишние слова. Тувинские и бурятские паремии отмечают особую важность метких и правдивых слов. Установками, характерными только для тувинских паремий, являются следующие: необходимость достойно реагировать на критику, особая важность родительских слов. Бурятские паремии маркируют особую важность слов, сказанных в древности. Шведские паремии противопоставляют умные и глупые слова, отмечают склонность человека поддаваться на красивые слова, а русские паремии противопоставляют устное и письменное слово, выделяют важность прямых слов.

Образная составляющая в исследованных паремиях вербализуется с помощью метафор, устойчивых сравнений, эпитетов и этнокультурных реалий. Ведущим способом создания образа в паремиях из рассмотренных собраний всех четырех языков оказывается метафора. Для тувинского, бурятского, шведского и русского языков общим является наличие предметной метафоры в исследованных паремиях. Но наиболее широко этот тип метафоры представлен в проанализированных источниках тувинского и русского языков. Для паремий тувинского языка метафора предметного типа реализуется в образах оружия, образе материального следа на поверхности предмета, предметов, имеющих вес, объем, финансовую значимость (деньги, прибыль или убыток). Для русских паремий это также

образы оружия или орудия, предметов, имеющих вес, вещества; кроме того, это тактильная и пищевая метафоры. Для тувинских и бурятских паремий характерна витальная метафора, а для шведского и русского языков — антропоморфная. Только в паремиях тувинского языка встретилась социоморфная метафора, а в паремиях бурятского языка — пространственная, временная и зооморфная. Натуроморфная и орнитологическая метафоры были обнаружены только в паремиях сопоставительной семантики русского языка. В тувинских паремиях было отмечено употребление слова-реалии *чорем*, создающего этнокультурную образность, в шведском языке — использование устойчивого сравнения *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что наряду с общими чертами на уровне синтаксической структуры, установок культуры и образности в паремиях сравнительной семантики всех проанализированных языков с компонентом *слово* можно отметить специфику, связанную, с одной стороны, с различным строем сопоставляемых языков, с другой стороны, с традиционным бытом и природной средой обитания народа-носителя конкретного языка, что формирует культурно-обусловленные различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ая, У. (2011) Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (59). С. 43–47.
- Боктаева, В. Л. (2016) Пословицы и поговорки с зоонимическим компонентом и их национально-культурная специфика в русском и английском языках // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (29). С. 36–43.
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угрюведения. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Галиева, М. Р. (2020) Метафорическая репрезентация концепта *слово* в художественном тексте // Иностранные языки в Узбекистане. № 2 (31). С. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.36078/1588928622>
- Галимуллина, Р. И., Шаймарданова, М. Р. (2018) Лингвокогнитивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в татарском, русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. Т. 10, № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Дзахова, В. Т., Дзодзикова, З. Б., Кудзоева, А. Ф. (2020) Пословицы с компонентом *сыгъзæрин/Gold/золото* в осетинском, немецком и русском языках: универсальные и специфические черты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13, № 7. С. 287–290. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.57>
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. (2020) Характеристика фразеологизмов и паремий с компонентом-символом в романских и славянских языках // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 62. С. 218–225.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Никитина, Т. Г., Рогалева Е. И., Пяо Лисян. (2021) Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов: коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц // Научный диалог. № 10. С. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133>

Переход, О. Б. (2022) Семантические образы лексемы «слово» в русской языковой картине мира // Славянские языки: слово в меняющемся мире и художественном тексте : монография / Г. А. Веремеюк [и др.] ; под общ. ред. О. А. Фелькиной. Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина. 188 с. С. 9–16.

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 213–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Семененко, Н. Н., Кривошеев, Г. С. (2019) Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 4 (апрель). С. 268–276. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195011.htm> (дата обращения: 20.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-15011>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Сычева, Н. (2020) Концепт «любовь» в паремиологических единицах русского и польского языков // Slavica Wratislaviensia. Т. 171. С. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.19195/0137-1150.171.14>

Телия, В. Н. (2004) Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки славянской культуры. 344 с. С. 19–30.

Дата поступления: 03.06.2023 г.

Дата принятия: 10.07.2023 г.

REFERENCES

Aya, U. (2011) Russkie poslovitsy na fone estonskikh: k kontseptsii tematicheskogo lingvokul'turologicheskogo slovaria [Russian proverbs at the background of Estonian ones: considering the concept of thematic linguistic and culturological dictionary]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (59), pp. 43–47. (In Russ.).

Boktaeva, V. L. (2016) Poslovitsy i pogovorki s zoonimicheskim komponentom i ikh natsional'no-kul'turnaia spetsifika v russkom i angliiskom iazykakh [Proverbs and sayings with zoonyms in their texts and their national and cultural specificity in Russian and English languages]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (29), pp. 36–43. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, № 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu., and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-

linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Galieva, M. R. (2020) Metaforicheskaia reprezentatsiia kontsepta slovo v khudozhestvennom tekste [Metaphoric representation of the concept ‘word’ in fictional text]. *Foreign Languages in Uzbekistan*, no. 2 (31), pp. 139–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.36078/1588928622>

Galimullina, R. I. and Shaimardanova, M. R. (2018) Lingvokognitivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v tatarskom, russkom i angliiskom iazykakh [Lingvo-cognitive study of the paroemiological units with a zoonym component in the Tatar, Russian and English languages]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 10, no. 4, pp. 62–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>

Dzakhova, V. T., Dzodzikova, Z. B. and Kudzoeva, A. F. (2020) Poslovitsy s komponentom syg’zærin/Gold/zoloto v osetinskom, nemetskom i russkom iazykakh: universal’nye i spetsificheskie cherty [Proverbs with the component ‘Сыг’зæрин/Gold/Золото’ in the Ossetian, German and Russian languages: Universal and nationally specific features] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, no. 7, pp. 287–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.57>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem’ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul’turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional’naia spetsifichnost’ poslovichnogo fonda: osnovnye poniatiia i metodika vyavleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhitovnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual’naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Komova, D. D. and Lomakina, O. V. (2020) Kharakteristika frazeologizmov i paremii s komponentom-simvolom v romanskikh i slavianskikh iazykakh [Characteristics of phraseological unit and proverbs with a symbol component in Romanian and Slavic languages]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 62, pp. 218–225. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul’turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Nelyubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul’tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Tuvan, Russian and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikitina, T. G., Rogaleva E. I. and Piao Lixiang. (2021) Slovarnaia reprezentatsiia lingvokul’turnykh stereotipov: kommunikativnoe povedenie russkikh v tematicheskome slovare poslovits [Dictionary representation of linguocultural stereotypes: Communicative behavior of Russians in Thematic Dictionary of Proverbs]. *Nauchnyi dialog*, no. 10, pp. 117–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133>

Perekhod, O. B. (2022) Semanticheskie obrazy leksemy «slovo» v russkoi iazykovoii kartine mira [Semantic images of the lexeme “word” in the Russian language picture of the world]. In: *Slavianskie iazyki: slovo v meniaiushchemsya mire i khudozhestvennom tekste [Slavic languages: Word in a changing world and a literary text]: A monograph / G. A. Veremeiuk et al. ; ed. by O. A. Felkina. Brest, A. S. Pushkin Brest State University. 188 p. Pp. 9–16. (In Russ.).*

Petrushevskaya, J. A. (2023) Proverbial’nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional’no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenenko, N. N. (2020) Aksiologiia paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Semenenko, N. N. and Krivosheev, G. S. (2019) Paremicheskaia kartina mira kak provodnik etnokul'turnogo stereotipa [Paremiological picture of the world as a conductor of ethno-cultural stereotype]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*, no. 4 (April), pp. 268–276. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195011.htm> (accessed 20.05.2023). (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-15011>

Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Sycheva, N. (2020) Kontsept «liubov'» v paremiologicheskikh edunitsakh russkogo i pol'skogo iazykov [Concept of "love" in paremiological units of the Russian and Polish languages]. *Slavica Wratislaviensia*, vol. 171, pp. 139–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19195/0137-1150.171.14>

Teliia, V. N. (2004) Kul'turno-iazykovaia kompetentsiia, ee vysokaiia veroiatnost' i glubokaia sokrovennost' v edunitsakh frazeologicheskogo sostava iazyka [Cultural and linguistic competence, its high probability and deep intimacy in the units of phraseological composition of a language]. In: *Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh [Cultural layers in phraseological units and in discursive practices]* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 344 p. Pp. 19–30. (In Russ.).

Submission date: 03.06.2023.

Acceptance date: 10.07.2023.